

К. В. ЧИСТОВ

**УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О ГЕРОЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
М. В. МЕЛЕНТЬЕВОЙ и А. М. ЛИСИЦЫНОЙ**

Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету.

А. М. Горький.

1

Годы первой послевоенной сталинской пятилетки ознаменовались новыми замечательными успехами советского народа во всех областях политической, экономической и культурной жизни. Продолжилось величественное движение нашей страны к коммунизму. Новый, невиданный подъем пережило и советское искусство. Огромную роль во всей культурной жизни нашей Родины сыграли исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Они ориентировали все советское искусство на борьбу за высокую идейность и боевую актуальность, за высокое мастерство, за дальнейшее развитие социалистического реализма. Советская литература и советское народное творчество обогатились в последние годы новыми высокоидейными и высокохудожественными произведениями, раскрывающими различные стороны богатой и многообразной жизни народов Советского Союза.

В послевоенном профессиональном и самодеятельном поэтическом творчестве советского народа большую роль играла и продолжает играть тема Великой Отечественной войны. В последние годы создано немало выдающихся литературных произведений, разрабатывающих эту тему и вошедших в золотой фонд советской культуры: «Буря» Эренбурга, «Люди с чистой совестью» Вершигоры, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Спутники» Пановой, «В окопах Сталинграда» Некрасова, «Знаменосцы» и «Злата Прага» Гончара, «Белая береза» Бубеннова и многие другие. Следует отметить также десятки книг — воспоминаний участников войны, партизанского и подпольного движения в военные годы. Появление большого количества книг о Великой Отечественной войне в послевоенные годы вполне естественно.

Героический подвиг советского народа-победителя продолжает служить неиссякаемым источником творчества наших писателей. Великий

патриотический подъем, ратные подвиги бессмертной славы, направляемые и озаренные гением величайшего человека современности — товарища И. В. Сталина, пережиты всеми нами с потрясающей силой. Мысль советских людей, а вместе с ними мысль всех прогрессивных людей мира еще долгие годы будет возвращаться к незабываемым дням Великой Отечественной войны. Реакционные силы империалистических стран призывают к развязыванию новой войны; в Корее и на о. Тайван они перешли к актам прямой агрессии. Продумывая и обобщая опыт Великой Отечественной войны, анализируя причины ее возникновения и развития, советский народ мужает в сознании своей силы и правоты, закаляет в себе волю к победе.

Велика роль лучших произведений советской литературы о Великой Отечественной войне и в развитии международного движения сторонников мира. Движение за мир во всем мире, развернувшееся с огромной силой на всех материках, продолжает черпать свои силы в опыте недавней войны. Поджигатели новой мировой бойни должны помнить, что их ждет бесславная судьба немецкого фашизма, если они осмелятся посягнуть на честь, свободу и независимость нашей Родины. «Теперь речь идет уже не о том, жизнеспособен или нет советский общественный строй, ибо после наглядных уроков войны никто из скептиков не решается больше выступать с сомнениями насчет жизнеспособности советского общественного строя. Теперь речь идет о том, что советский общественный строй оказался более жизнеспособным и устойчивым, чем несоветский общественный строй, что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй».¹

Как показывают записи и наблюдения, производившиеся в последние годы, тема Великой Отечественной войны продолжает быть одной из ведущих и для послевоенного народного творчества. Создаются все новые и новые и продолжают исполняться возникшие в годы войны массовые самодельные песни и частушки, прославляющие победу советского народа в борьбе с немецким фашизмом и его сателлитами. Народные певцы и сказители сложили немало песен, новин, стихотворных и прозаических сказов, сказок и других произведений о Великой Отечественной войне.² Эта тема продолжает волновать и начинающих поэтов, и прозаиков, выступающих на страницах заводских многотиражек, районных газет, молодежных газет и журналов, стенных газет и боевых листов.

Особую роль в разработке тем, связанных с Великой Отечественной войной, играет прозаический устный рассказ (сказ) — самая простая и доходчивая форма массового самодельного художественного творчества. Участники великих сражений, бывшие партизаны и деятели большевистского подполья на временно оккупированных территориях, герои трудовых подвигов постоянно делятся воспоминаниями, выступают с рассказами на вечерах, на специально организуемых встречах с молодежью и детьми, по радио, наконец, в кругу знакомых и близких. Подобные устные выступления и рассказы вместе с печатными

¹ И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. Госполитиздат, М., 1946, стр. 10.

² Э. В. Гофман-Померанцева. Великая Отечественная война в русском фольклоре. (Обзор сборников). Сов. этнография, 1946, № 1, стр. 247—250; В. И. Чернов. Материалы к истории советского фольклора. Сов. этнография, 1949, № 4, стр. 20—42.

и литературно обработанными воспоминаниями имеют важное общественное значение, играют важную роль в развитии советского патриотизма. Поэтому изучение их представляет большой интерес.

Рассказы эти подчас приобретают живую художественную форму, легко воспринимаются слушателями и начинают бытовать подобно другим произведениям народного творчества. Однако в бытовании устных рассказов есть и своя специфика. Устные народные рассказы, собранные в последние годы сотрудниками Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии наук СССР и касающиеся тем, связанных с событиями Великой Отечественной войны, довольно четко делятся на две основные группы. В некоторых рассказах внимание сосредоточивается на образе героя-патриота, любовно сохраняются его облик и имя («рассказы о героях»),¹ в других — идея рассказа раскрывается в самом эпизоде — типичном, ярком случае, который мог произойти с каждым советским человеком («рассказы о фронтовых случаях»). Различие этих двух видов современного устного рассказа обнаруживается и в дальнейшем бытовании. Исполнители «рассказов о героях» стремятся к сохранению документальности, исполнители же «рассказов о фронтовых случаях» очень быстро расстаются с установкой на внешнюю правдоподобность, рассказы эти как бы беллетризуются, слушатели не требуют строгого разграничения факта и выдумки. Выдумка допустима, но она должна быть ловкой и острой, помогать раскрытию основной идеи рассказа, углублять ее.

«Рассказы о героях» связаны со стремлением прославить и сохранить память о герое, всесторонне обрисовать его облик, воплотить в самом образе героя идею советского патриотизма. «Рассказы о случаях» обычно имеют относительно устойчивый текст, который безусловно варьируется, шлифуется, обогащаясь все более и более, однако сохраняет при этом свою первоначальную основу.

В «рассказах о героях» главное — не в бытовании текста рассказа, а в бытовании самого образа, в создании которого принимает участие огромный коллектив, в выдающихся случаях — весь советский народ (например, рассказы о Сталине, о краснодонцах, Зое Космодемьянской, Лизе Чайкиной, Ковпаке, Заслонове и др.). Это всенародно творимый образ национального героя, горячо любимого всем советским народом. Каждый отдельный рассказ в таком случае не претендует на идейную и художественную законченность, он лишь сильное дополнение (уточнение) к облику героя, живущему в сознании и рассказчика и слушателей вне и до рассказа. Рассказчик передает виденное им самим или слышанное от свидетелей подвига, родных, друзей героя и др. Если он сам не является прямым очевидцем подвига героя, то ссылается на кого-нибудь из очевидцев, если даже тот или иной факт из жизни героя ему известен из вторых, третьих, четвертых «уст», и т. д. При этом обязательно именно стремление к сохранению документальности — это документальный исторический рассказ.²

Несомненно, что рассказчик-очевидец, повторяя несколько раз свой рассказ, обрабатывает его текст, продумывает отдельные детали, улучшает их изображение, т. е. повышает его идейные и художественные

¹ Среди таких рассказов особенно выделяются рассказы о вождях — Ленине, Сталине, Кирове, Калининне, о крупнейших полководцах гражданской войны и Великой Отечественной войны и т. д. Их мы не касаемся в настоящей статье.

² О легендарных рассказах о героях Великой Отечественной войны Заслонове и Ковпаке. Сов. этнография, 1948, № 2.

качества; однако его слушатели воспринимают обычно не весь текст рассказа, а лишь включают заинтересовавшие их факты в привычный уже для них образ всенародного героя.

Следовательно, коллективная природа «рассказов о героях» обрабатывается не коллективным восприятием и коллективной обработкой текста, как это обычно для большинства произведений других жанров устного народного творчества, — коллективно творится сам образ героя. Следует особенно подчеркнуть огромную общественную роль такого коллективно творимого образа героя. Он становится неотъемлемой частью социалистического сознания, социалистической культуры советских людей, одним из составных элементов того, что мы называем психологическим складом социалистической нации.

2

К числу таких рассказов о героях несомненно следует отнести и записанные летом 1950 г. рассказы о Героях Советского Союза Марии Владимировне Мелентьевой и Анне Михайловне Лисицыной. Запись производилась в районах Карело-Финской ССР, где память о героических подругах-партизанках особенно жива: Пряжинском — на родине М. В. Мелентьевой и Шелтозерском — на родине А. М. Лисицыной. Вместе с отдельными записями, производившимися в предыдущие годы сотрудниками отдела истории ИИЯЛ П. К. Колесовой и А. М. Дементьевой, общее количество (более 50) записанных устных рассказов превышает количество записей, проведенных на территории Карело-Финской ССР о других героях Великой Отечественной войны. Кроме того, рассказы о Мелентьевой и рассказы о Лисицыной составляют нераздельный цикл и неотделимы друг от друга, как неотделимы в истории Великой Отечественной войны славные имена героинь. Все это обусловило выбор этих рассказов в качестве специального объекта исследования.

Рассказы о Мелентьевой и Лисицыной в большинстве своем записаны от односельчан — родных, друзей, сотоварищей по школе, комсомольской организации, военному госпиталю, партизанскому подразделению.

Основная идея этих рассказов — прославление патриотических подвигов двух славных дочерей карело-финского народа, поэтическое воплощение образов подруг-партизанок. Записанные рассказы составляют целый цикл, в котором два рассказа занимают центральное место — о переправе героинь через Свирь и о героической гибели Марии Мелентьевой. Они бытуют самостоятельно, либо в окружении других эпизодов, известных рассказчику. Они же легли в основу очерка Г. Фиша «Бессмертные» («Подруги», «Карельские девушки»). Это живые, взволнованные рассказы о легендарной пряжинской девушке Марийке и ее подруге Ане — представительнице маленького, родственного карелам народа вепсов.

По заданию командования две патриотки должны были собрать сведения о расположении артиллерийских позиций и складов боеприпасов врага, о передвижении его войск, о жизни советских людей на временно оккупированных территориях — в родном для Ани Лисицыной Шелтозерском районе.

Около месяца пробыли девушки в тылу врага; задание было блестяще выполнено.

Приведу один из таких рассказов, записанных от М. Ф. Ивановой (Пряжа):

«Мы были эвакуированы в село Решма Ивановской области. Она

внезапно приехала погостить к родным в 1942 году осенью, еще Валерик мой был маленький в люльке. Как раз урожай собирали, помидоры.

«Приехала и сказала, что приехала на месяц. Побyla 14 дней: „Нет, тут, говорит, скучно“ — и поехала. Мы ее провожали.

«Я позвала ее к себе, вместе спали. Она всю ночь рассказывала, как в Шелтозеро ходила. С Лисицыной Аней их на самолете отправили через фронт. И, говорит, когда мы пришли туда, Аня была как проводница, так как знала свои места. Шли по лесу. (Да все нельзя было рассказать). Явиться надо было к дяденьке одному, он нам должен был помочь. Ну, а мы, говорит, когда стемнело, подошли к деревеньке под Шелтозером, где Аня жила. Аня постучала в окошко, когда темно стало, а я, говорит, в бане спряталась. Это было ночью. Сестра вышла. Она говорит: „Это я!“. Я из бани слышу все. А потом и я тоже в хату пошла. Мать говорит, что нельзя вам здесь — сюда финны за молоком ходят. (Так они там на вышке на чердаке, в подполье были. У них были паспорта, как будто они местные девушки, побоялись, не предаст ли кто). Ну и тут мы, говорит, рацию оставили в лесу и туда ходили каждый вечер передавать. Ходили каждый день по деревням и по явкам, давали указания и сведения собирали.

«Нужно было пойти в Шелтозеро, познакомиться с комсомолкой одной. Она работала в штабе, надо было дать задание. Вот опасно было — сохранила ли она клятву комсомолу или продажной шкурой стала.

«День был ясный. Офицеры и солдаты ходят по Шелтозеру. Мы и сидели в беседке при штабе. Мне надо пойти было в штаб и познакомиться с той девушкой. Я говорю Ане, если я не приду к такому-то времени, то уходи скорей и действуй одна, а если приду, то значит все хорошо. Я, говорит, иду и боюсь. Ну, что будет, то будет. Зашла. Такая девушка, говорит, и сидит за столом. Поздоровалась. И начала с ней разговаривать; хорошо, что никого не было. Она, говорит, смекнула, кто я. Вздрогнула, покраснела вся. Я говорю: „Не бойся, все будет хорошо“. А она „Вы, может, не доверите“. Мария-то говорит: „Если ты комсомолка еще, то я тебе доверяю“. А девушка заплакала и говорит: „Дорогая ты моя, родная, я ведь и билет еще храню!“.

«Но мы скоро с ней договорились. Она обещала все сделать и паспорта еще достать. Сговорились встретиться на другой день к определенным часам. И когда время истекло, как мы с Аней договорились, я вернулась, и мы пошли домой. Когда мы там освободились, в тот день уже больше никуда не пошли.

«Вдруг мать Анина кричит: „Прячьтесь, девки, ой, прячьтесь скорей, финны идут“. Мы под кровать, там покрывала висят, подзоры, так не видно ничего. А вечером пошли в лес и передавали все в штаб движения. А второй день опять пошли бродить и во многих деревнях побывали. И вернулись все-таки. Много раз наряды свои менялц. (Еще потом они ходили на второй день к той девушке — она все передала — и дали ей задание, что нужно сделать). Пароль придумали — кто скажет, значит от нас. Эта девушка много помогла.

«Время уже истекает, нам нужно явиться на место, где самолеты сядут. Ну и что-то случилось. Сообщили, что девушки переходите сами, самолетов не будет. Опечалились, но делать нечего, переходить надо. Карта была у нас, компас. И стали пробираться. В лесу, говорит, встретили финского солдата. Сидит на пеньке да портянки перематывает. А винтовка нивесть где. Ну были в платяцах и узелочки, он нас оста-

новил , Сейс! Сейс!'.¹ А мы тягу давать, а документы были под платком на голове. Он нас бросил, но мы думаем — дело опасное, надо осторожнее.

«Ну подошли к реке, к Свири. Вода холодная, если пойти по мосту — финны стоят, где поуже место, тоже костры жгут, надо выбрать, где поуже. (А плавала она дома очень хорошо). Я, говорит, документы хорошенько поправила на голове, на голове шапочка зеленого бархата была. (А плыть надо). Взяли только узелки маленькие, а пищу и рацию всё бросили. Платьишки сняли, завязали в узелки и плыли в одних трусах. Ступили в воду, поцеловались, попрощались, ну и вместе поплыли рядышком, а недалеко горят костры финские. Вдруг она говорит: «Маня, я не могу больше» — и прощается. Одну руку подняла. Я ей пробовала помочь, да нельзя. А я плачу да плыву. Так жалко, говорит, я еле-еле доплыла, говорит. Переплыла, обернулась и смотрю, нет ли ее. У меня и узелок выпал. Только документы на голове, компас и купальный костюм.

«Что же теперь делать? Одна, места не знаю. Иду, иду, перепаралась, ягоду ем, тошнит от нее. И плачу, знаю, что от слез ничего нет, а плачу. Спала на дереве и сил нет. Голодная. Уж и не помню, говорит, упала. Около меня говорят по-русски. Расспрашивают. Закутали меня в шинель. По пути спрашивают — я, говорит, ничего говорить не буду, ведите меня в штаб. Ведут. Привели в штаб, я сказала, кто я, майору. Он выругал военных: , Несли бы на руках! '. Им уж дано было знать. И сразу меня на лечение, а документы все сдала. А военные, что меня взяли, всё ходили ко мне. (Потом вылечили. Отдыхала она в Беломорске).

«Вот тогда и приехала к нам в Ивановскую область. И приехала так просто, так хорошо. Она уже полненькая была, подросла, уже совсем девушка. А на руках, на ногах синяки да царапины от леса все еще были».

В том или ином виде рассказ о переправе через Свирь входит в большинство записанных сказов, причем записи из Пряжинского района, восходящие, повидимому, к рассказу самой Марии Мелентьевой о смерти подруги, подробнее описывают самую переправу; рассказы же, записанные в Рыбреке, естественно, детальнее сообщают об обстоятельствах конспиративного пребывания героинь в доме родителей. Так, например, в сказе, записанном от Анастасии Лисицкой, говорится: «Потом, когда финны были здесь, она сюда приходила. Встретила ее нечаянно. Я работала в Педасельге, пришла в субботу на воскресенье, в понедельник уехала. Воскресенье мы день провели (а лето было все дождливое), легли мы спать часам в 11. Я спала как раз на полу. Слышу, будто кто у двери стукнул. Думаю: „ Не финны ли с проверкой? Еще стукнет, так встану! ". Посмотрела — никого не вижу. На кухню пришла. Спрашиваю по-своему (т. е. по-вепски, — К. Ч.): „ Кто есть? ". Она скочила на костер, у нас под окном был маленький. „ Настя, говорит, я! ". Я думала, мне почудилось. Пошла открывать. Поздоровалась. Больше ничего не помню, так обрадовалась. Она спрашивает: „ Есть ли кого чужих? ". Я говорю: „ Нет никого. Все свои. Спят! ".

«Пришли мы в комнату с ней. Я говорю: „ Мама, вставай. Аня пришла! ". Мама вскочила и в обморок упала, еле ее выходила. Поздоровалась со всеми, она стоит посреди, все поглядывает. Еще спрашивает: „ Ходят ли финны часто? ". — „ Ходят ", — говорим. „ Можно ли мне еще с подругой придти? ". — „ Можно, что же! ".

¹ Стой! Стой! (финск.).

«А дождь-то лил, как из ведра.

«Она пришла, как и теперь, по картошке — ползком. А подруга была в байны, Маруся. Она пришла оттуда. Привела Марусю и говорит — нам бы одеться и обуться. Невестка одела их обеих. Они оделись, сухие, мама чай согрела, двинули стол среди пола, чтобы разговора не слышно было. Они пьют, а сами расспрашивают: кто здесь, кого нет, все ли живые.

«Стало светать — уже 6 часов. Их наладили мы на чердаке. Устроили им все. Я говорю: „Я уеду, надо снаряжаться“ . Они стали спрашивать, что в этой Педасельге делается, где окопы, где снаряжение, — все это записывали у меня. Сидели на перине, Аня записывала, а Маруся расспрашивала. Мария говорит: „Ой, Аня, хорошо, сведения хорошие достаем“. Я в Вознесенье была, они тоже записывали, где окопы, где срудия. Спрашивали паспорт, но у меня не было с собой, оставила им только пропуск — может пригодиться. Может, я с ними пошла бы, только пришли мы сюда вдвоем с работ — меня бы сразу хватились. А так ушла бы непременно. Особенно записывали про Вознесенье, что я знала, что видела.

«А потом я уехала в 10 часов утра, они остались на чердаке. У нас (мама говорит) неделю только жили. Я больше приехать не смогла. И не рассказывали ничего. „Нельзя, — говорит, — рассказывать. Скажем одно — мы завоюем свою землю, не бывать ей у финнов“».

При всем текстуальном различии рассказов, записанных в Пряжинском и Шелтозерском районах, основа их одна и та же. В центре повествования — образы бесстрашных патриотов, отдавших свою жизнь за свободу и независимость Родины, чьи подвиги вдохновляли советских людей на борьбу с оккупантами.

Каждый из рассказчиков находит своеобразные детали для изображения трудности и героичности патриотического подвига славных подруг. Так, например, в одном из них особенно ярко описан момент гибели Ани Лисицкой: «Вода была очень холодная. Поплыли. Доплыли они, кажется, до половины реки. Аня вскрикнула: „Тихонечко, больше не могу плыть!“. Ей судорогой свело все от холода. Она хотела крикнуть, но закусила свою руку, чтобы не кричать, и так и утонула тут же. Мария хотела ее поймать, но течением ее уже отнесло далеко. Мария переплыла через реку. На берегу реки там горели костры, а около костров сидели финны, часть какая-нибудь стояла. Ей пришлось обратно переплыть через Свирь. Переночевала на том берегу, опустилась ниже по течению Свири. И потом пошла — надо было через фронт переходить. Она осталась в одном купальнике — все с Аней утонуло. У нее осталась только наганчик. Дошла до линии фронта, там надо было по-пластунски ползти четыре километра, что ли, говорила. В конце она так уже истощала, проголодалась, что дальше уже не могла ноги передвигать через деревья, руками ноги поднимала. Поднялась на гору и оттуда сама не помнит, как скатилась вниз. Ее нашел один военный, уж наш. Ее понесли в госпиталь, а она просила, чтобы ее сначала отнесли к подполковнику, сведения надо было отдать. Ну, ее привели к этому подполковнику. Он ее напоил, дал шинель, тело у нее все исцарапано было, в кровоподтеках. Она рассказала там, что надо было, подполковнику. Тогда уже ее отправили в госпиталь».¹

Образы девушек-патриоток любовно рисуются рассказчиками. Они — гордость и слава односельчан. В них воплощаются лучшие черты совет-

¹ Записано от А. В. Мелентьевой.

ских людей, поднявшихся на борьбу с оккупантами, — патриотизм, решимость бороться до конца, готовность отдать жизнь за благо борьбы, гордость за свой народ, чувство ответственности за исход битвы, сознание морально-политического единства советского народа в великой битве с фашизмом.

Особенно ярко выражены эти идеи в рассказе о героической гибели Марийки. Приводим вариант этого рассказа, записанный от матери героини — Е. А. Мелентьевой.

«Так сегозерские сказали: зашли они в избу, а старуха ушла доказать про них. Они вышли, хозяйка говорит: „Ой, финны идут“. Они выскочили и давай стрелять. Двое парней было и Марийка. Потом они убежали на болото, а финны с собаками были, нашли их там. Маню ударили чем-то, она и упала, а одного убили. Остались двое. А потом принесли — без сознания была Марийка, а второй парень раненый — принесли их в ригач. А потом с ригача взяли на допрос их, как переночевали и в сознание пришли. Губа, говорят, была расколота, вся мокрая, грязная была.

«Привели в избу и тогда воды теплой дали хозяева, вымыли ее. А финны принесли кушать, но они не взяли ничего. Потом хозяева дали молока и шаньги, и она не взяла ничего. „Я, — говорит, — наелась“. — „А чего ты наелась в ригаче, — говорит, — овса?“ (это финн один говорит). — „Я наелась всего, — говорит, — наелась досыта“.

«А потом она не плакала тут. Хозяева спрашивают: „Чья ты, девушка, есть?“ . — „С Пряжи“, — говорит.

«Потом на допрос взяли ее.

«А потом еще ночевали второй день, потому что на допросе ни словечка они не сказали. А с товарищем их не пустили на разговор, положили их в разное место.

«Потом на второй день опять стали спрашивать и били их, били кнутом (у них такие палки резиновые). Она отвечала. Они спросили: „Много ли их здесь есть?“ . — „Сколько у нас есть, так вам не знать“. — „А военных в России много ли?“ . — „Хватит вас встречать. Больше, чем вас!“ .

«Взяли этого товарища убили, а теперь сказали: „Если хочешь жить — скажешь: твоя жизнь в твоих руках. А чего плачешь?“ . — „Плачу, что не могу убить тебя, немецкую собаку, что мало убила вас до сих пор!“ .

«И тут ее убили, да в яму положили. И не стало Марийки нашей. За ригачем там и лежит она.

«А говорят, как ее расстреливать стали, она кричала: „Конец ляхтарям, все равно конец всем!“ .»

Рассказчики стремятся не только изобразить героичность Марийки и*Ани, но и объяснить источник их нестигаемой силы.

Обыкновенные карельские девушки сумели стать сильнее врага, сильнее самой смерти, потому что они были настоящими советскими патриотками, «людьми с чистой совестью», народными мстительницами, которым Родина поручила святое дело борьбы с врагом.

«Трудовые подвиги советских людей в тылу, равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, — говорит тов. Сталин, — имеют своим источником горячий и животворный советский патриотизм».

тизм». ¹ Рассказы о Мелентьевой и Лисицыной являются художественным выражением этой идеи, ставшей в годы войны достоянием всего советского народа.

3

Глубина и сила коллективно творимых и живущих в сознании народа образов героинь, их реалистичность заключается в том, что рассказчики стремятся не только правдоподобно обрисовать их в момент подвига, но и раскрыть самый процесс формирования героических характеров. В памяти творцов рассказов разыскиваются и собираются все факты довоенной биографии героинь, которые могут послужить объяснению того, как простые советские девушки оказались способными на высокий патриотический подвиг. Каждый стремится внести свою долю воспоминаний, «открыть новую черточку, которая сделает знакомые образы героинь еще ярче, выпуклее, красочнее.

Простые советские девушки совершили подвиг. Обладали ли они до войны какими-то особенными качествами, которые помогли им совершить подвиг? На этот вопрос стремятся ответить многие рассказчики. Одна из подруг М. В. Мелентьевой К. И. Бекренева говорит: «Она была такой комсомолкой, что вполне нужно было ждать от нее подвига. Ведь многие из нашей организации, даже одноклассники пошли в партизаны: Саввоев, Саватьев, Попов и другие». О том же говорит и К. Ф. Зиброва: «От нее можно было ожидать, что она будет таким человеком». З. И. Амосова развивает эту мысль более подробно: «Когда она погибла, мне было ее очень жалко, но я так и думала, что она сделает все, что надо. Она была настойчивой, решительной и смелой. Переплывала озеро, ходила куда угодно в лес, не боялась ничего. Всегда делилась с нами и горем и радостью». Так же оценивают А. М. Лисицыну ее земляки. Например, Н. И. Кабакова рассказала: «Я узнала (о присвоении А. М. Лисицыной звания Героя Советского Союза, — К. Ч.), когда мы сюда приехали из эвакуации в августе 1944 г. Я сразу пошла к матери, она мне все рассказала, и я ей читала книжку, и мы все разговаривали об Ане. Это известие меня не удивило, она с детства была очень подвижной и сообразительной. Вот, думаю, она и здесь себя показала, стала настоящей комсомолкой».

В приведенных цитатах ясно отображены три момента: 1) признание того, что Мелентьева и Лисицына еще в довоенные годы проявляли себя настоящими патриотками и людьми незаурядными; 2) признание того, что они вместе с тем были обыкновенными советскими девушками, как «многие»; 3) сознание того, что героинь воспитала большевистская партия, комсомол, что основное их качество — верность комсомольскому долгу, Родине. Для советских людей «простой» — значит такой, как многие, сделавший «все, что надо», по выражению З. И. Амосовой. Таким образом, в основе реалистического истолкования образов девушек-героинь лежит осознание высоких общественных качеств советских людей, т. е. в приложении к годам Великой Отечественной войны — психология массового героизма. Какими же качествами обладали героини еще в школьные, юношеские годы? ²

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е, ОГИЗ — Госполитиздат, М., 1946, стр. 160—161.

² М. В. Мелентьева родилась в 1924 г. и к началу Великой Отечественной войны закончила 9 классов Пряжинской средней школы. А. М. Лисицына родилась в 1922 г. и в 1941 г. окончила курсы культпросветработников в Ленинграде по библиотечному отделению.

Следует отметить, что рассказы о Мелентьевой дают для ответа на этот вопрос более обширный материал по сравнению с рассказами о Лисицыной. Объясняется это, повидимому, тем, что Анна Лисицына последние пять лет перед войной почти не жила на родине в Рыбреке — училась в Шелтозере, потом в Ленинграде. Следовательно, до отъезда из Рыбреки ей было всего 14—15 лет. Мелентьева же до ухода в армию жила в Пряже безвыездно.

Одно из основных качеств, которое подмечают рассказчики в героинях, — сила воли, сочетаемая с сознанием патриотического долга. Приводятся чрезвычайно интересные факты сознательного воспитания воли М. В. Мелентьевой. Так, М. Ф. Иванова рассказывает: «Из детства еще помню. Она говорит мне: „Я, — говорит, — теперь на постели не сплю, а на досках“ „Ты с ума сошла!“. „Нет, я пробую, как Рахметов (в этом... «Что делать?»). Ни мать, ни отец не знали, а мы еще смеялись над ней, а у нее серьезно было. Только кудри летали, как смеется».

Другая рассказчица З. И. Амосова вспоминает о том же несколько иначе: «Закаляла себя — приход, бывало, она спит на вышке на одних досках. „Как, — говорит, — в истории нас учили...“ — один полководец кажется; и она приучила себя».

Такое же стремление выработать в себе силу воли отличало и А. М. Лисицыну.

Исполнители рассказов с любовью вспоминают все случаи проявления воли, смелости, настойчивости в достижении цели. Иногда эти случаи относятся к детству героинь и должны объяснить развитие их характеров. С этой точки зрения любопытен рассказ З. И. Устиновой о Мелентьевой: «Помню случай, ходили мы за ягодами, за черникой, за три километра за озеро, ей было лет одиннадцать, а я еще младше. И мы набрали товарищей четыре-пять человек и поехали на лодке. Так мы бродили целый день и к вечеру, когда нам надо было возвращаться домой, мы случайно наткнулись на пустой шалаш рыбаков. Потом мы отдохнули, она говорит: „Девочки, — говорит, — давайте когда-нибудь придемте сюда на ночь в шалаш, интересно, что тут будет ночью?“. Другие сначала не соглашались: комары, да то, да другое — тяжело ночью здесь. Она ответила: „В том-то и интересно, что тяжело, я бы и не звала. Разведем костер, будем рыбачить“. И как-то ночью мы трое собрались, такие маленькые, предупредив родителей, что мы задержимся. Мы с другой девочкой стали недовольны на Маню — спать хотелось. А она все бегала за дровами, удила, варила, угощала нас. И почему-то хоть мы были там ночью, мы и не увидели трудности, хотя устали, а она возвращалась бодрая и очень довольная. И говорит: „Теперь-то мы настоящие пионеры, можем быть в лесу и по ночам“ — с таким веселым видом». Е. Е. Шанава вспоминает о том, с какой смелостью маленькая Марийка ловила змей, А. В. Мелентьева — о том, как дядя думал их в детстве напугать, когда они с сестрой остались одни, и т. д.

Подобные же факты вспоминают и рассказывающие о А. М. Лисицыной (запись от Н. И. Кабаковой):

«Один раз ездили на лошади за ягодами, за брусникой. Ездили со взрослыми; они нас оставили поближе, а сами пошли в лес дальше. На всякий случай оставили нам спички. Вдруг захрустело, затрещало. Кто-то из девчат кричит: „Медведь, наверно!“, и все заплакали, а она подбежала к куче хвороста и подпала. „На огонь, — говорит, — он не пойдет“. И еще, говорит: „Нужно пищать, кричать“. И мы все прыгали около огня и кричали». Та же Н. И. Кабакова рассказывает о другом

случае: «На лодке один раз мы тонули — ребята завезли нас далеко и кинули с лодки во всей одежде. Отплыли и начали тонуть, но на берег выбрались и потом смеялись. А потом все равно на лодке катались, только ребят не брали, чтобы баловства не вышло».

Наряду со смелостью постоянно подчеркивается настойчивость и упорство в достижении цели, которые толкуются тоже как проявление воли. В рассказах — воспоминаниях близких — постоянно встречаются эпизоды, которые рисуют настойчивость Марийки и Ани в учебе, в выполнении общественных поручений, в быту, и т. д. В этом смысле выразителен рассказ З. И. Устиновой о Мелентьевой, относящийся ко времени войны с белофиннами в 1939/40 г.

«И мы часто ходили на лыжах с ней на Горку любви. И где самая трудная гора, тут и она. Упадет сколько раз, но не уйдет, пока не прокатится хорошенько, без того, чтобы упасть. Даже там, где мальчишки не могли. И в конце концов мы добились с ней — стали кататься на одной лыже. „Вот, — говорит, — белофинны умеют кататься на лыжах и мы теперь умеем». Отец Марийки В. А. Мелентьев вспоминает о другом случае: «Ее тогда назначили на Беломорский канал (экскурсия — премия за учебу, — К. Ч.), а у нее нога нарывала. Я говорю: „Куда ты едешь?“. — „Все равно, — говорит, — поеду“. Так и пошла, сапоги в руках понесла. Это в пятом классе было. А в шестом классе тифом болела. В Святозере тогда училась. Два месяца в школу не ходила и все равно перешла».

В свете подобных рассказов не случайной кажется и запись в дневнике Мелентьевой: «Где горе слышится, где трудно дышится — будь первым там».¹

Постоянное внимание рассказчиков привлекают также все доступные им факты, говорящие об исполнительности девушек-героинь в довоенные годы. Исполнительность воспринимается при этом как чувство долга, осознание общественных обязанностей, ответственности за все происходящее (см. рассказы М. Ф. Ивановой, К. П. Велеславовой, В. Е. Андреевой, Р. Э. Кальске — о Мелентьевой и К. М. Левоевой, М. И. Лисицыной, Е. И. Исполатовой, А. М. Лисицыной — о Лисицыной).

Особенно знаменательно подчеркнутое чувство ответственности за все происходящее в стране, в школе, в колхозе, в семье, — чувство, присущее только людям страны социализма, осознающим каждое дело как общее, а общее как свое личное. («Она такая нервная была, если что плохо — все нервничает, все нервничает, чтобы все у нее хорошо было и дома, и в школе, и в колхозе» — Л. М. Левоева о Лисицыной).

Одной из характернейших черт Мелентьевой и Лисицыной, по устным рассказам, следует признать страстное увлечение физкультурой и военным делом. Мелентьева славилась как лучший в Пряже пловец (об этом особенно вспоминается в связи с рассказом о переправе через Свирь), отец ее с гордостью показывает грамоту, полученную ею за завоеванное классное место на республиканских лыжных соревнованиях, товарищи ее по школьным годам вспоминают о совместном участии в военных играх (см. рассказ А. И. Колодина и др.). А. М. Лисицына неоднократно получала премии за отличную стрельбу, с увлечением каталась на лыжах, на велосипеде, и т. д.

Обе девушки в школьные годы отличались большой общественной активностью и вместе с тем были образцом скромности и выдержанности.

¹ См. газ. «Ленинское знамя», 2 октября 1943 г., № 202 (6821).

Наш параллельный рассказ о подругах не должен свидетельствовать об отсутствии индивидуальных черт в облике каждой из них. Такое изложение материала оказалось возможным потому, что отмеченные качества характеров героинь воспринимались рассказчиками как типичные для лучших представителей советской молодежи.

Вместе с тем образы героинь конкретны и индивидуализированы, как всякие реалистические образы. Мелентьева рисуется чрезвычайно живой, веселой (недаром ее прозвища в детстве были «колокольчик», «пулемет», «rikki Maikki»), энергичной («атаман Средней Пряжи»), никогда не унывающей и неутомимой. Лисицына — очень спокойная, задумчивая, несколько сторонящаяся веселья, углубленная в книги, недаром ее специальность — библиотечный работник.

В облике Мелентьевой очень важна черта, отмеченная выше («атаман Средней Пряжи»). Действительно, она была постоянным организатором пряжинской молодежи. По ее инициативе пряжинские пионеры помогают друг другу в учебе, шефствуют над колхозными телятами и жеребятами, она собирает девушек и уговаривает их, «пока матери на работе, по избам пол перемыть». Или по рассказу З. И. Устиновой: «Уже после войны с белофиннами она нас собирала всех вместе — пойдемте грабить (сгрести, — К. Ч.) сено в колхоз, пойдемте картошку копать. Иногда приход, когда такой работы нет, — обед помогаем варить. Она такая была — заключает З. И. Устинова, — и не догадаешься, что надо сделать, а у нее уже в голове, и натолкнула и к месту как раз выйдет».

Для Мелентьевой особенно характерны порыв в будущее — мечта об авиационном техникуме, о море, о широкой и светлой жизни, уверенность в своих силах.

Высокие общественные качества обеих девушек особенно ярко проявлялись в дни войны. Патриотизм, вера в победу — основа всех их поступков с первых дней войны.

Замечателен эпизод, рассказанный Е. Е. Шанава о Мелентьевой: «Но тут опять война. Она уже работала в конторе связи. Пришла ко мне вечером домой: „Ну, как будем жить?“. — „Не знаю — говорю, — но я здесь остаться больше не могу. Пойдем!“. — „Пойдем!“. И мы вместе пошли в военкомат, хотя слова этого и не сказали. У нее оказывается заявление уже было в кармане и у меня тоже в кармане». Не менее ярко рассказывается о том, как начинала войну Аня Лисицына: «Когда война началась, она в Сегеже была, после учебы ее туда направили работать. Пробыла там всего один месяц. Приехала на три дня домой. „Мама, — говорит, — больше нельзя, надо итти!“. — „Куда ты пойдешь, — скажу, — доченька?“. — „На фронт, мама!“. — „Ой, Аня, убьют тебя?“. — А лучше меня убьют, чем мужика какого хорошего, от него детишки останутся, а я что — одна. Итти надо, мама, надо. Родину защищать — от такого дела прятаться нельзя» (запись от М. И. Лисицыной).

В первые же дни войны вражеские самолеты бомбили Пряжу. Бомбежка произвела тяжелое впечатление на юную патриотку. С тех пор до дня героической гибели чувство священной мести стало для Марийки основным.

«Одно утро прилетел аэроплан. Кого-то ранило во время бомбежки. Ранили одного ребенка. А Марийка взяла этого ребенка на руки и говорит: „Я за тебя отомщу врагу“» (запись от В. А. Мелентьева).

Фронт все ближе и ближе. В Пряже организуется госпиталь. Мария Мелентьева записывается в народное ополчение, организует сбор буты-

лок для горючей смеси, топоров и лопат для оборонных работ, организует пряхинских девушек-дружинниц в помощь госпиталю. В эти дни — она образец для всех. Так например, она просит перевести ее в палату тяжело раненных. З. И. Устинова рассказала: «Ей досталась палата легко раненных, человек 20 в палате всего лежало, а мне досталась палата тяжело раненных женщин. В первую же ночь нашего дежурства она несколько раз прибегала помогать мне. Впоследствии ей удалось добиться перевода в палату комсостава после операции.¹ Она считала, что в палате легко раненных все могут сами ходить, брать себе пить, читать, и это не составляет такого удовольствия, как помогать людям, которые не могут двигаться. . . Работая в палате тяжело раненных, она привыкала делать сама перевязки, если где требуется, и приучала к этому меня. Говорила, что за каждой ерундой врача нечего беспокоить, а нам надо привыкать».

В другом рассказе З. И. Устиновой подчеркивается сила воли Марийки, ее патриотизм: «Потом помнится мне: однажды была бомбежка в Пряже, война еще была в самом начале. Среди раненых было некоторое волнение. Я испугалась, побежала к ней, и, к моему удивлению, она спокойно сидела и читала книгу какому-то раненому. Она вышла ко мне в коридор и говорит: „Зачем ты создаешь панику сама? Надо вести себя спокойно, они и так больны, надо успокаивать их“. С тех пор я стала думать, какая же сила воли у ней: идет бомбежка, а она спокойно читает книгу. Потом, когда шли сильные бои и было большое поступление раненых, тогда она была такая строгая, даже ни с кем не разговаривала. Мучилась она — ругала немцев, белофиннов, говорила: „Им не жалко человеческой жизни, попасть бы мне туда, я бы показала им!“. Я говорю ей: „Где нам с тобой!“. А она говорит: „А что ты думаешь, не можем? а помнишь, как мы на лыжах добивались?“. Очень она интересовалась, как на фронтах дело идет — расспрашивала у раненых, как там, что».

По заданию командования Мелентьева организует медпункт в Кунгозере. Вскоре пришлось оставить Кунгозеро. Марийка отступала вместе с боевыми частями Действующей армии. К этому времени относится замечательный документ, который Е. Е. Шанава воспроизводит в своем рассказе на память:

«Из Кунгозера она мне писала, но письма теперь все пропали. Писала, что работаю очень много, приходится со всем мириться, не спать. Передовая совсем близко, но я привыкла и мне теперь уже не страшно — ни бомбежка, ни перестрелки.

«Последнее письмо писала, что я в пути. Итти очень тяжело, не в том тяжело, что я устала, а тяжело покидать родные места. Но мы обязательно вернемся. Помнишь, как в детстве дружили? — Разве не жаль детей, которые сейчас идут со мною рядом? Я отдала бы все — лишь бы спасти им жизнь! И это мне не тяжело.

«Вот полетели самолеты, столько раненых, не знаешь, с кого начать, кого перевязывать. Зачем у меня так мало рук! Она пишет, что иногда при таких бомбежках прикрываю собою раненых, но много ли прикроешь, и кричу: „Что вы делаете, звери белофинские, над мирным населением, бойтесь нашей местности!“ ».

«Письмо было большое, на четырех страницах».

Дальнейший путь Мелентьевой и Лисицыной известен по очерку

¹ Пряжинская средняя школа, второй этаж, первая классная комната налево, июль—август 1941 г.

Г. Фиша: спецшкола в Беломорске, где встретились и стали подругами героини, затем партизанская деятельность. Второе задание Марийка получила вместе с Аней — это известное уже нам шелтозерское задание. После гибели подруги и героической переправы через Свирь Мелентьева лежала в госпитале в Беломорске. К этому времени относятся ее письма Саватьевой, встреча в Сегеже с Е. Е. Шанава (см. выше рассказ последней). После выздоровления — посещение родных в Ивановской области, поход в тыл врага в оккупированный Сегозерский район и героическая гибель.

Итак, образы героинь, живущие в сознании народа, глубоко реалистичны, они показывают силу и источник патриотического подвига: рассказчики рисуют историю сложения характеров героинь, раскрывают качества их характера как типичные для советской молодежи сталинской эпохи. В то же время типичное рисуется в конкретных и индивидуальных проявлениях. Мелентьева и Лисицына изображаются как выдающиеся, но в то же время типичные представители массового героизма советского народа в дни Великой Отечественной войны. Следовательно, в основе устных рассказов лежит метод раскрытия общего (типичного) в конкретном (индивидуальном). Поэтичность этих рассказов состоит не в их фантастичности (как, например, рассказов о Ковпаке, Заслонове, Доваторе и т. д.), а в отборе «сильных фактов», в объяснении конкретного подвига как типичного.

Следует коснуться еще одного важного качества художественного метода устных рассказов о Мелентьевой и Лисицыной.

Рассказчики не только демонстрируют процесс становления героических характеров подруг-патриоток, но и любовно подчеркивают историческую преемственность патриотической традиции советского народа, выразительницами которой были Мелентьева и Лисицына. Уже говорилось о том, что большое влияние на формирование характера Мелентьевой оказал образ Рахметова из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Нельзя также считать случайным упоминание о Николае Островском в рассказе К. П. Велеславовой. Общеизвестно огромное воздействие книг Н. Островского на поколение молодежи 30—40-х годов. Н. Островский был образцом патриотизма для Олега Кошевого, Зои Космодемьянской, Чайки, Матросова и сотен других героев Великой Отечественной войны. На последнем предвоенном пионерском костре Марийка вдохновенно рассказывала пионерам о Николае Островском («И так интересно рассказывала, что ребята кричали: „Марийка, расскажи еще!“ »).

Интересный материал дает цитированный уже рассказ Н. И. Кабаковой об Анне Лисицыной. Из него мы узнаем, что любимыми героями Лисицыной были Тойво Антикайнен и Чапаев, любимыми книгами — «Падение Кимас-озера» и «Мы вернемся, Суоми» Г. Фиша, любимыми кинофильмами — фильмы об Антикайнене и Чапаеве.

«Очень нравилось нам, — рассказывает Н. И. Кабакова, — про Антикайнена и книгу читали и кино смотрели. Вот она говорила: „Смотри, как дедушка про табак придумал в глаза бросить. Надо, — говорит, — запоминать такие случаи, когда чем защищаться, вдруг пригодится...“

«А когда читали книжки о финской войне, там про партизан было, она говорила: „Будем ли мы такими, ведь так трудно сделать такое, хватит ли ума и силы“ ».

Вместе с тем, чрезвычайно характерно, что рассказчики подчеркивают, что подвиги Мелентьевой и Лисицыной в свою очередь вдохновляли

и вдохновляют советских людей на ратные и трудовые подвиги. И. Е. Капитонов рассказывает: «О ней (о Марии Мелентьевой, — К. Ч.) мы узнали из Указа Президиума Верховного Совета СССР в 1943 г., в связи с ней — Лисицына и Варламов. Этот Указ обсуждался у нас и поднял настроение. Очень многие курсанты, особенно земляки, пряжинские ребята, просили отправить их скорей на задание, отомстить за Марийку».

А. В. Мелентьева рассказывает о двоюродном брате героини: «Брат узнал тоже по газетам, что Мария погибла, он до этого все время был в тылу, при штабе был связистом. После смерти Марии написал, что тоже будет проситься на фронт, чтобы отомстить за нее. Несколько писем от него получали, а потом он погиб. Он вступил в члены партии и был награжден медалью».

О подобных же фактах сообщает Е. Е. Шанава. «Отомстим!» — так начиналось коллективное письмо бойцов Н-ской части, в которой служила подруга М. Мелентьевой Аня Власова, опубликованное 1 октября 1943 г. в газ. «Ленинское знамя»; эта же мысль владеет и автором другого письма, напечатанного в том же номере газеты, — лейтенантом Г. Арбузовым.

В газетах 1943—1944 гг. можно найти также много фактов, рисующих картину трудового подъема среди молодежи республики после опубликования Указа от 25 сентября 1943 г. Так, например, сегежские комсомольцы взяли на себя обязательство досрочно выполнить годовой план в честь Героев Советского Союза Марии Мелентьевой и Анны Лисицыной,¹ на одном из заводов возник поточный участок им. Марии Мелентьевой.²

В 1945 г. имя Марии Мелентьевой было присвоено Пряжинской средней школе и имя Анны Лисицыной — Житноручейскому колхозу Рыборецкого с/с, Шелтозерского р-на. Имя героинь носит детский дом в Соломенном. Онежское озеро бороздят тральщики «Мария Мелентьева» и «Анна Лисицына». Образы героинь вошли в сознание карело-финского народа, их имена долго будут символом высокого советского патриотизма.

4

Чрезвычайно интересна история возникновения и распространения рассказов о героинях. Само собой разумеется, что восстановить все детали бытования невозможно. Однако даже те обрывочные сведения, которыми мы располагаем, дают некоторое представление о массовом характере распространения рассказов. Этот факт является замечательным выражением действительной народности партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, свидетельством горячей любви нашего народа к девушкам-патриоткам, высокой всенародной оценки их замечательного подвига.

Возникновение многих из записанных рассказов несомненно относится к годам Великой Отечественной войны. Одним из ранних рассказчиков, очевидно, была сама М. В. Мелентьева. После героического выполнения боевого задания в Шелтозерском районе она получила месячный отпуск, во время которого посетила своих родных, находившихся в эвакуации в Ивановской области (1942 г.). Здесь, по имеющимся све-

¹ См. газ. «Ленинск. знамя», 2 октября 1943 г., № 202 (6821).

² Ю. Андропов. Карело-финские комсомольцы в Отечественной войне, Петро-заводск, 1943, стр. 26.

дениям, М. В. Мелентьева несколько раз рассказывала о пережитом, конечно, соблюдая при этом военную тайну. Поэтому в ее рассказе не назывались ни имена, ни районы действия. Эти рассказы были восприняты родными и близкими (отец, мать, сестра, двоюродная сестра, подруга и др.) и подвергались в дальнейшем некоторым изменениям и уточнениям. Так, например, позже стал известен из газетных источников район действий (Шелтозерский) и река, в которой погибла А. М. Лисицына (Свирь). Вместе с тем собственный рассказ Мелентьевой о выполнении шелтозерского задания был превращен в один из центральных эпизодов более широких рассказов о ней, включавших, с одной стороны, воспоминания о ее детских и школьных годах и, с другой, — эпизоды ее боевой биографии, относящиеся к более позднему времени. Рассказы М. В. Мелентьевой каждый из воспринявших их передает по-своему. Некоторые рассказчики стремятся к полной и детальной передаче слышанного.

Так, например, М. Ф. Иванова, рассказав об обстоятельствах приезда Мелентьевой в с. Решму, где жили ее родные, говорит: «Я позвала ее к себе, вместе спали. Она всю ночь рассказывала, как в Шелтозеро ходила. С Аней Лисицыной их на самолете отправили через фронт. И, говорит, когда мы пришли туда...», и т. д.; дальше следует передача рассказа М. В. Мелентьевой в форме прямой речи, которая иногда сопровождается объяснительными замечаниями. Например: «Вода холодная, если пойти по мосту — финны стоят, где поуже место, тоже костры жгут, надо выбрать, где поуже (а плавала она дома очень хорошо). Я, говорит, документы хорошенько поправила, на голове шапочка зеленого бархата была (а плыть надо)» и т. д.

Другие передают слышанное в виде своего рассказа о событиях (В. А. Мелентьев, А. В. Мелентьева и др.) или пользуются и прямой и косвенной речью (Е. Е. Шанава и др.). А. В. Мелентьева связывает рассказ о подвиге героинь с воспоминанием о последней встрече с сестрой — М. В. Мелентьевой. Тот же композиционный принцип лег и в основу рассказа Е. Е. Шанава, встречавшейся с подругой-героиней в Сегеже после ее возвращения из Шелтозерского района. Чрезвычайно характерно, что все, передающие рассказы о М. В. Мелентьевой не от ее имени, особенно выделяют эпизод, рисующий героическую переправу через Свирь, либо другие, не менее острые эпизоды, выпуская как правило почти все с их точки зрения обычное, бытовое. Следовательно, можно констатировать стремление к определенному художественному отбору, к разработке наиболее типичных фактов, способных с наибольшей полнотой выразить основную патриотическую идею рассказа, ярче обрисовать облик героинь.

Возникновение большой группы рассказов следует отнести к следующему, 1943 году.

В 1943 г. во время выполнения третьего задания героической смертью погибла Мария Мелентьева. Источником рассказа об обстоятельствах героической гибели явились жители д. Топорная гора Сегозерского района, бывшие очевидцами пленения, допроса и смерти героини. Рассказ этот получил большое распространение в Сегозерском районе и содействовал усилению сопротивления оккупантам и укреплению морального духа советских людей, временно оказавшихся под властью белофиннов. Больше того, рассказ о героической гибели верной дочери карело-финского народа дошел до частей Советской Армии и стал известен в советском тылу. Один из боевых соратников Марии Мелентьевой,

Иван Н., разузнав о трагической судьбе товарищей, перешел через линию фронта и явился первым вестником происшедшего. Его рассказ о гибели Мелентьевой лег в основу указанного выше очерка Г. Фиша и продолжил свою жизнь на страницах газет, журналов и отдельных изданий.¹

В свою очередь рассказ жителей Топорной горы после освобождения Сегозёрского района распространился в ряде районов республики. Так, например, в Пряжинском районе его рассказывают мать Марии Мелентьевой — Е. А. Мелентьева (цитировался выше) — и А. М. Исакова, во время войны жившая в Топорной горе, а после войны переехавшая в пос. Матросы Пряжинского района.

1943 год вообще был годом чрезвычайно интенсивной жизни устных рассказов о М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицыной.

25 сентября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицыной было присвоено звание Героев Советского Союза. Опубликование этого Указа в печати, появление в связи с этим ряда статей и заметок о героинях, читки этих статей и обсуждение Указа в воинских частях, партизанских отрядах, на комсомольских и общих собраниях предприятий и учреждений республики всколыхнули целую волну устных рассказов о героинях. Источниками этих рассказов явились, с одной стороны, воспоминания боевых соратников, родных, близких и знакомых, с другой стороны, очерки и статьи, появившиеся в газетах и журналах (особенно очерк Г. Фиша «Бессмертие»²).

Многие, лично знавшие героинь, выступали в эти дни с воспоминаниями о них на общих и молодежных собраниях и пионерских сборах. Одно из таких выступлений было записано и опубликовано на страницах республиканской газеты «Ленинское знамя»:

«После работы в небольшой комнате Кемского райисполкома собрались девушки. „Мы собрались, — сказала секретарь комсомольской организации Сонина, — для того, чтобы коллективно прочитать напечатанный в газете «Ленинское знамя» очерк «Бессмертие». В нем рассказывается о подругах наших, о девушках, которые жили и учились рядом с нами, о девушках, бессмертные дела которых навсегда останутся в нашей памяти. Наша Пяня Саватьева очень давно знает Марию Мелентьеву, она училась с ней в одном классе и многое сможет рассказать нам о ее жизни“.

«„Это была моя самая лучшая, самая любимая подруга, — волнуясь, начала говорить Пяня, и слезы блеснули в ее глазах. — Да и не только я, все в классе любили ее. Она была всегда веселой, ласковой. Очень часто и подолгу мы разговаривали с ней о жизни, о любимых наших книгах. Марийка читала очень много и внимательно, понравившиеся ей мысли выписывала в специальную тетрадь. Я помню такие записи в ее дневнике: «Где горе слышится, где трудно дышится — будь первым там». Или, например: «Лучше нахмурить бровь, чем показать слезу» и другие“».

После рассказа о «Марийке» П. Саватьева показывала девушкам ее фотокарточки. На этом же собрании было решено написать коллектив-

¹ Г. Фиш в своем очерке пишет: «Ваня дошел до отряда и выполнил то, что было поручено. От него мы узнали, как умерла Марийка. Ему рассказали об этом жители деревни, которые похоронили девушку и ее погибших товарищей. Рассказ этот был подтвержден показаниями взятого в плен финского солдата, который присутствовал при последнем допросе и был свидетелем последних минут жизни Марии Мелентьевой (Г. Фиш. Подруги. Госиздат К-ФССР, 1943, стр. 51).

² Газ. «Ленинск. знамя», 1943, № 192, 194—196.

ное письмо матери Марии Мелентьевой — Евдокии Андреевне Мелентьевой. Замечателен патриотический дух этого письма. Девушки клянутся дорогим именем героини быть до конца дней своих преданными родной Отчизне. В том же письме говорится: «Многие из наших комсомолок очень часто выезжают в служебные командировки в отдельные колхозы района. При выездах все наши комсомольцы будут рассказывать молодежи, всем колхозникам о замечательных делах Марийки и ее подруги Ани Лисицыной».¹

Цитированная статья интересна, таким образом, не только как одна из первых фиксаций устных рассказов о героинях, но и, с одной стороны, как документальное свидетельство о путях их распространения и, с другой, — как свидетельство того, что уже в годы войны устные рассказы теснейшим образом переплелись с возникшим на их основе очерком Г. Фиша. Несомненно, что рассказы кемских комсомольцев основывались именно на этих двух источниках.

Рассказы о героинях бытовали в эту пору и за пределами республики. В Ивановской области рассказывали о них родители Мелентьевой, ее сестра Александра (в школе), М. Ф. Иванова (в детском доме, в котором она работала воспитательницей), М. Ф. Карютина и др., в Кемерово — К. П. Велеславова и др.

Следующим этапом развития рассказов о героинях был 1944 год — год освобождения Пряжинского и Шелтозерского районов и возвращения эвакуированного населения. Проходившие воинские части, возвратившиеся из эвакуации — все интересовались героинями. Об этом свидетельствуют многие из записанных нами рассказов.

В цитированном уже рассказе Р. П. Бондаревой говорится: «Первые военные наши пришли. Спрашивали: „Это село Пряжа? Где жила Марийка Мелентьева?“. Стали мы спрашивать — что же так интересуются Марией? „А она, — говорят, совершила много подвигов“» и т. д.

О том же вспоминают и жители Рыбреки. «А про Аню мы узнали от Вани (И. Е. Капитонов из Пряжи), когда нас освободили. А потом пришел военный: „Твоя, — говорит, — дочка Анна Лисицына?“. — „Моя!“ — „Она Герой, бабушка! Знаешь ли ты?“. — „Нет, не знала пока“. — „Большое тебе спасибо, бабушка, что воспитала такую дочку“. О том же рассказывает Л. М. Левова: «Пришли военные. „Есть ли у тебя сестра?“. — „Есть“. — „А мать и отец где?“. — „В лагере за Аню посажены“. — „А вашу Аню мы знаем. Она у нас Герой Советского Союза“. — „А где она?“. — „Да погибла она!“. Мы — давай плакать. „Ну, будете плакать, мы вам ничего не расскажем“. Ну потом рассказали, как и что было».

Об активной жизни рассказов в эту пору свидетельствуют также К. Ф. Бекренева, В. Е. Андреева (Пряжа), З. М. Зайцева, Т. Д. Мирнова, Н. И. Кабакова (Рыбрека) и др.

Дальнейшее развитие и распространение рассказов, очевидно, связано с такими моментами, как возвращение на родину родителей Мелентьевой и Лисицыной, первых — из эвакуации, вторых — из финского концлагеря, присвоение имени М. В. Мелентьевой Пряжинской средней школе² и А. М. Лисицыной — Житноручейскому колхозу Рыборецкого с/с, митинги по поводу установления мемориальных досок на домах, в которых родились и жили героини, распространение плаката

¹ Газ. «Ленинск. знамя». 1 октября 1943 г., № 201 (6820), стр. 2.

² См. Указ Президиума Верховного Совета К-ФССР, от 2 марта 1945 г.

о героинях в дни юбилея республики в 1948 г., публикация очерков, статей и отдельных изданий и т. д.

Особенно следует отметить выступления родных и знакомых героинь на специальных вечерах воспоминаний. Так, например, много раз с воспоминаниями о дочери выступал Владимир Аверьянович Мелентьев. Одно из таких выступлений состоялось в годовщину празднования дня Советской Армии в 1950 г. 22 февраля на пионерском сборе в Пряжинской школе им. М. В. Мелентьевой. Владимир Аверьянович поделился воспоминаниями о детстве, школьных годах и подвигах дочери — Героя Советского Союза. 23 февраля делегация лучших пионеров посетила квартиру Мелентьевых и вручила Владимиру Аверьяновичу коллективный подарок — именной портсигар. Отец героини снова рассказывал о ней, отвечал на вопросы пионеров и показал им имеющиеся у него ее фотокарточки и документы.

Любопытен случай выступления с рассказом сестры Марин Мелентьевой — А. В. Мелентьевой — на пионерском сборе Всесоюзного пионерского лагеря в Артеке. «Я... была тогда в Крыму — в ЦК ВЛКСМ дали путевку. Я в Крыму в Артеке у себя в отряде выступала с воспоминаниями о ней — узнали, что я сестра героини».

5

Одной из особенностей современного народного рассказа является теснейшая связь с другими формами поэтической деятельности советского народа. Мы уже говорили о том, что очерк Г. Фиша возник на основе устных рассказов. Сравнительное изучение известных нам записей и очерка убеждает в том, что последний является по существу композицией, составившейся из ряда обработанных устных рассказов (о бомбежке в Пряже, о переправе, Даши Лудковой — о прощании с М. Мелентьевой и Ивана Н. — о ее героической смерти).

Кроме того, следует еще раз подчеркнуть, что очерк Г. Фиша, опубликованный в годы войны в ряде газет (центральных, республиканских и фронтовых) и выпущенный несколько раз отдельными изданиями, неоднократно популяризованный по радио, сыграл крупную роль не только в коллективном создании образов героинь, живущих в сознании советских людей, но и в судьбе отдельных устных рассказов, помог рассказчикам правильно отобрать детали и отыскать правдивые психологические мотивировки, следовательно, — найти наиболее яркое художественное выражение основной патриотической идеи. Именно поэтому очерк Г. Фиша и пользовался заслуженной популярностью. Устные рассказы о Мелентьевой и Лисицыной и очерк Г. Фиша, представляющий собой литературно обработанный вариант этих рассказов, явились основой дальнейшего профессионального и самодеятельного творчества, почвой, на которой возникли и продолжают возникать поэтические произведения о подругах-героинях. Еще в годы войны на страницах фронтовой печати появилось два стихотворения армейских поэтов о Марийке и Ане — Георгия Мокина и Ивана Бойкова.¹ Стихотворения эти различны по стилю и по уровню художественного мастерства, как различны были, по видимому, их авторы. Однако эти два произведения объединяет одна идея, которая пронизывает и устные рассказы, — восхищение

¹ Г. Мокин. Песня о пограничниках. Газ. «В бой за Родину», 6 октября 1943 г., № 242; И. Бойков. Героини былины лесной. Там же, 19 октября 1943 г., № 253.

героическим подвигом, гордость за славных дочерей карело-финского народа.

Георгий Мокин пишет:

Ничто комсомолок не сломит,
 Душа партизанок тверда.
 Такие под пыткой не стонут,
 Приказ выполняют всегда.
 И если двух юных не стало,
 Другие зажглися борьбой.
 Пусть выйдут вперед запевалы
 И кантеле тронут рукой.

Иными словами раскрывает ту же идею Иван Бойков:

Не покоя, а с недругом боя
 Ищет всюду заступница-месть.
 Непокорные умерли стоя,
 Как велит комсомольская честь.
 Сыплет хвою сосна на могилу,
 Тихо бьется о берег вода...
 Не сломить нашей юности силу
 Никому, ни за что, никогда.

Подвиг героинь вселяет в солдатские сердца, в сердца всех советских людей уверенность в победе, стремление отомстить врагу за смерть девушек. Оба стихотворения заканчиваются именно этой мыслью:

Мы мстительниц помним удалых,
 Врагу мы отплатим огнем.
 Пусть выйдут вперед запевалы,
 Мы мужеству песню поем.

(Мокин).

Скоро будет свободною Пряжа,
 Шелтозерье изгонит врага,
 И лесную былину расскажет
 Опаленная битвой тайга.

(Бойков).

Авторов объединяет также сознание того, что подвиг подруг должен быть воспет песней, которая станет достоянием всего народа. По всей вероятности, оба стихотворца стремились именно к созданию такой песни. Об этом говорит и название стихотворения Георгия Мокина — «Песня о героинях» и начальные строки стихотворения Бойкова:

Запевают озерные дали,
 И звенит эта песня листвою...

Эта же идея выражена и стилистически — оба стихотворения написаны напевным ритмом, легко укладываемым в знакомые мелодии. К сожалению, нам не известна дальнейшая судьба этих стихотворений, хотя вполне вероятно их исполнение в качестве песен в частях Карельского фронта в годы Великой Отечественной войны.

Характерно, что той же установкой на напевность отличается и стихотворение профессионального русского поэта К-ФССР Б. Шмидта

«Боевые подруги», опубликованное в газ. «Молодой большевик» в 1947 г.¹

Берите оружие в руки!
Наш край полонили враги!
Идут партизанки-подруги,
Под ветром шумят тростники.

Свирь-матушка, стихни немного,
Подругам доплыть помоги.
За ними погоня, тревога,
По берегу рыщут враги.

Заключительная строфа выявляет этот замысел окончательно:

В былинах и в песнях народных
Мы славим героев своих,
Сердец их порыв благородных,
Бессмертные подвиги их.

Стихотворение «Боевые подруги» было, очевидно, задумано Б. А. Шмидтом как песня-баллада. Поэтому естественно, что текст его лег в основу не массовой песни, а симфонической поэмы-оратории заслуженного деятеля искусств К-ФССР Р. С. Пергамента — «Поэмы о девушках-партизанках», одного из лучших послевоенных произведений композиторов К-ФССР.

Из произведений профессиональных поэтов следует назвать еще стихотворение Т. Гуттари «Героиням», написанное в 1943 г. на финском языке. Образы славных подруг поэт раскрывает как обобщенные образы типичных представительниц героя-народа, народа-победителя. Он рассказывает, как они

Погибали, оставаясь песней;
Как душа сурового народа
Расцвела отавою чудесной.²

Гуттари предсказывает, что память о героинях долго будет жить в сердцах советских людей, подвиг их будет образцом патриотического подвига, долго еще не умолкнут рассказы о них и они будут играть важную роль в формировании сознания молодого поколения:

Подвиг твой, Мелентьева Мария,
Долго, долго будет жить на свете.
О тебе в часы вечеровые
Мать карельская расскажет детям.
И еще расскажет, как в туманы,
В ледяную реку, в ночь, в ненастье,
Ты ушла навеки, наша Анна,
Чтоб найти народу солнце счастья.

Будет день — детишки спросят деда,
И расскажет он внучатам милым,
Как досталась Родине победа,
Что дорогу к счастью проложила.

Стихотворение Т. Гуттари также нашло свое музыкальное воплощение. В 1950 г. заслуженный деятель искусств К-ФССР Р. С. Пергамента написал романс на слова русского перевода этого стихотворения.³

¹ 27 марта, № 27 (2119). См. также «На рубеже», 1950, № 2, стр. 4—5.

² Перевод А. Шпирта, см. в кн.: Тобиас Гуттари. Моя страна. Сов. писатель, М., 1950, стр. 95—96.

³ По имеющимся сведениям, над пьесой о М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицкой работает в настоящее время писатель А. А. Иванов.

Профессиональные поэты и композиторы республики при всех достоинствах созданных ими произведений не удовлетворили потребности в массовой песне о подругах-героинях. Такая песня была создана самостоятельно. Замечательно, что возникла эта песня на родине Мелентьевой в с. Пряжа. Создал ее хор Пряжинского дома культуры (руководитель И. Е. Капитонов). Песня эта развивает и поэтически оформляет идеи устных рассказов, бытующих в Пряже. В центре — образ Марийки — девушки-героини, которой гордятся земляки. Они горды тем, что в их селе стоит «дом, в котором Марийка жила», тем, что помнят ее школьные годы. Основная мысль песни — народность партизанского движения; Марийка изображается героиней, творящей всенародное дело, несущей «слово правды народным сердцам». Она изображается «человеком с чистой совестью», комсомолкой, до конца верной своему долгу. Наконец, песня содержит еще одну, очень важную мысль — образы девушек-героинь закономерно ассоциируются в сознании создателей песни с образами Олега Кошевого и Зои Космодемьянской.

Марийка

Светлой памяти Героя
Советского Союза
Марии Мелентьевой

Есть в селе у реки тихоструйной
Дом, в котором Марийка жила,
В школе всем она верной подругой
И товарищем лучшим была.
Черной тучею вороны вражь
На отчизну напали тайком,
И вступила Марийка из Пряжи
В всенародную битву с врагом.
И не раз партизанской тропой,
По болотам, карельским лесам,
Через фронт приносила с собою
Слово правды народным сердцам.
Помогал верной дочери каждый,
Лес дремучий в пути укрывал;
Только подлый изменник однажды
Предал нашу Марийку врагам.
Но не дрогнуло сердце героя,
Комсомольскому долгу верна,
По примеру Олега и Зои,
Не сказав ничего, умерла.
Не померкнет геройская слава,
В песнях образ Марийки живет.
Нас вперед наше красное знамя
От победы к победе ведет.

Приведенная песня пользуется большой популярностью в Пряже и Пряжинском районе, ее поют самодеятельные хоры, школьные хоры, она звучит на молодежных гуляньях.

По просьбе Дома народного творчества текст этой песни был отредактирован Б. А. Шмидтом. Надо сказать, что редакция Б. А. Шмидта коснулась лишь отдельных стилистических частности. Песня в целом осталась песней, созданной Пряжинским хором.

В создании героических образов приняли участие также и некоторые сказители республики. Внучатная племянница знаменитого сказителя Архипа Пертгунена, руны которого легли в основу «Калевалы», Татьяна

Алексеевна Перттунен (район Калевалы) в 1949 г. сложила на карельском языке руну «Герой Советского Союза Мария Мелентьева». Любопытна история создания этой руны. В. Я. Евсеев, опубликовавший ее в сборнике «Карельские эпические песни»,¹ пишет в комментарии: «Уже в 1948 г. Т. А. Перттунен задумала сложить песню о славной карельской девушке М. Мелентьевой, но закончила она эту песню в виде повествовательно-колыбельной лишь в 1949 г., после того как заболел ее приемный внук, взятый на воспитание из детдома. У этой сказительницы, знавшей о существовании в К-ФССР детдома им. Марии Мелентьевой, заботы об этом ребенке, взятом из детдома, как-то по-особому связываются с именем карельской девушки-партизанки».²

Создание руны о Мелентьевой и Лисицыной особенно знаменательно. Сам факт возникновения руны говорит о том, что в сознании народа славные подруги-героини встали в один ряд с национальными героями, воспетыми в рунах „Калевалы”. Впервые в истории героями карело-финского эпоса стали девушки. Даже самое беглое сравнение «старых героинь» эпоса (Айно, Кюллики и др.) дает ясное представление об огромном пути, проделанном карельской женщиной за годы советской власти. Женщина-карелка стала активной общественной силой. Девушки — дочери карело-финского народа — не только сражались наравне с мужчинами, но и совершили высокий патриотический подвиг, навсегда вошедший в историю советского народа.

Руна Т. А. Перттунен представляет стихотворную передачу устных рассказов, слышанных сказительницей, в форме колыбельной песни внуку:

Милому спюю ребенку,
Расскажу я мальчугану,
Детскую спюю я песню,
Длинную, как дом из бревен.

О войне спюю великой,
Я о том спюю, что знаю.
Слышала я здесь рассказы
О походах партизанских.

Множество мужчин собралось,
Также девушек красивых,
Героинь, героев славных.
Все не высказать словами.

И язык мой не расскажет
Обо всех делах великих,
Обо всех боях горячих.

Не исключена возможность того, что сказительнице был известен очерк Г. Фиша, хотя прямое совпадение каких-нибудь деталей не обнаруживается. Т. А. Перттунен, подобно исполнителям устных рассказов, особенно выделяет два эпизода — переправу через Свирь и гибель М. В. Мелентьевой. В центре ее внимания — образ героической Марийки. А. М. Лисицына упоминается лишь в связи с переправой через Свирь, как «подружка младшая». Руна эта исполнялась неоднократно и сыграла также значительную роль в создании поэтических образов героинь.

Другая сказительница — А. В. Ватчиева (Петровский район), услышав об обстоятельствах гибели героинь, в 1945 г. сложила в их честь

¹ Карельские эпические песни. Сост. В. Я. Евсеев. Институт истории, языка и литературы Карело-Финск. филиала АН СССР, М. — Л., 1950, стр. 418—420. Запись П. Я. Куйкка, пер. В. Я. Евсеева.

² Там же, стр. 505.

причитание, в котором изображение подвигов Мелентьевой и Лисицыной сочетается с горячим призывом отомстить врагу, всем подняться на борьбу с ним за честь, свободу и независимость социалистической Родины. Сказительница скорбит о гибели славных партизанок, но скорбь ее соединяется с верой в победу советского народа. Скорбь ее полна общественного содержания и выражает не только печаль о гибели подруг-героинь, но и сознание бессмертия народа, ради которого отдали свою жизнь патриотки. Она скорбит о том, что Мелентьевой и Лисицыной не суждено было дожить до дня победы, не суждено было увидеть плоды героической борьбы советского народа, в которой они приняли такое активное участие.

6

Следует отметить теснейшее содружество русских, карел, финнов и вепсов в разработке интересующей нас темы. Устные народные рассказы записывались от представителей всех этих четырех национальностей. На четырех языках известны и произведения профессионального и самодеятельного поэтического творчества в самых различных жанрах. Само боевое содружество карельской девушки Марии Мелентьевой и представительницы маленького народа вепсов Анны Лисицыной в борьбе с белофинско-немецкими оккупантами плечом к плечу с солдатами и партизанами — представителями великой русской нации символизирует исторически сложившуюся дружбу основных национальностей республики. Пряжинские карелы, шелтозерские вепсы, русские в том и другом районах, карелка Перттунен из северно-карельского района Калевалы, финский поэт Гуттари, русский писатель Г. Фиш и русский поэт Б. Шмидт — все они считают Мелентьеву и Лисицыну своими героями, воспевают их подвиги, пользуясь своеобразными национально-специфическими поэтическими приемами. Карелка Перттунен использует поэтические достижения карельской эпической песни, Т. Гуттари пишет по-фински, Б. Шмидт — по-русски. Вместе с тем в творчестве рядовых рассказчиков, в исполнительском мастерстве участников пряжинского хора, в произведениях профессионалов-литераторов и народных сказителей нет и следов национальной замкнутости и ограниченности. Пряжинские карелы сложили свою песню о Марийке на русском языке, стихи Гуттари получили свое музыкальное воплощение после перевода на русский язык, и т. д.

Мы уже отмечали теснейшую взаимосвязь и сплетение различных форм профессионального и самодеятельного творчества в разработке образов Мелентьевой и Лисицыной. При этом мы не соблюдали четких национальных границ. Да и соблюдать их было бы невозможно. Карелы, финны, русские, вепсы выражают в своих национальных формах единое, общее для всех, социалистическое содержание. Поэтому взаимообмен идеологическими, культурными и поэтическими ценностями между этими национальностями на территории К-ФССР развивается чрезвычайно активно и свободно во всех своих проявлениях.

Развитие национальной культуры с каждым годом все более и более укрепляет дружественные межнациональные связи. Следует отметить также, что в нашем случае, совершенно так же, как и во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни, ведущую и направляющую роль играют представители русской культуры. Русский язык, ставший вторым родным языком карел, сыграл важнейшую роль и в развитии и в распространении устных рассказов и других произведений о Мелентьевой и Лисицыной.

Не менее важным качеством современной советской культурной жизни является, с одной стороны, богатство и многообразие форм поэтического творчества, с другой, — теснейшая их взаимосвязь. Изучая устные народные рассказы, мы не могли не коснуться других форм профессионального и самодельного творчества советского народа. Без этого не были бы понятны ни история возникновения и развития устных рассказов, ни их идейное содержание, ни их поэтическая природа. Формы творчества и жанры в процессе разбора менялись одни за другими — устный прозаический рассказ, очерк, песня, руна, плакат, газетная статья, радиопередача, симфоническая поэма-оратория, романс, стихи профессиональных и начинающих поэтов, причитание и т. д. Такое обилие форм при богатстве идейного содержания — несомненное свидетельство огромного расцвета, который переживает советское искусство.

История создания поэтических образов Мелентьевой и Лисицыной, массовость распространения устных народных рассказов и возникновение на их основе дальнейшего творчества вскрывает истинную народность советской литературы.

Устный прозаический рассказ — форма художественного творчества, стоящая на грани быта и искусства, — это форма поэтического искусства, рожденная социалистическим бытом советского народа. Не случайно именно эта «бытовая» форма искусства лежит в основе современных легенд о народных героях; не случайно потому, что поистине легендарен был массовый героизм советского народа в дни Великой Отечественной войны, что вся жизнь советского народа — это творимая им самим легенда. Советский устный народный рассказ, в особенности одна из основных его разновидностей — документальный исторический «рассказ о героях» — это новая для истории народного творчества реалистическая легенда, коллективная природа которой заключается не в коллективном восприятии и шлифовке текста, а в коллективном творчестве поэтического образа героя, живущего в сознании огромного коллектива советских людей. Именно поэтому реалистичность документально-исторических «рассказов о героях» вскрывается при анализе всего цикла рассказов о данном герое.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андропов Ю. Карело-финские комсомольцы в Отечественной войне. Петрозаводск, 1943 г.

Андропов Ю. Они — наша гордость. Газ. «Лен. знамя», 28 сентября 1943 г., № 199 (6818).

Бойков И. Героини былины лесной. Газ. «В бой за Родину», 19 октября 1943 г., № 253.

Владимир Аверьянович Мелентьев. Биография кандидата в депутаты Верховного Совета СССР. Газ. «Кр. Пряжа», 29 января 1946 г., № 5.

В честь Героев Советского Союза Марии Мелентьевой и Анны Лисицыной. Газ. «Лен. знамя», 2 октября 1943 г., № 202 (6821). Обязательство сегежских комсомольцев.

В честь героинь. Газ. «Лен. знамя», 1 октября 1943 г., № 201. О комсомольско-молодежном потоке в честь героинь Мелентьевой и Лисицыной.

Герои карело-финского народа (передовая), Лен. знамя, 1943, 28 сентября, № 195 (6818).

Героини-партизанки. Журн. «Блокнот агитатора Вооруженных сил», 1946 г., № 25, стр. 31.

Герои Советского Союза Анна Лисицына и Мария Мелентьева. Газ. «Кр. звезда», 28 сентября 1943 г.

L. Heio. Sankariius, в кн. „Vihan ja rakkauden lauluja“, Pētroskoi, 1945, стр. 19—20.

Гуттари Т. Героиням. Памяти Героев Советского Союза Марии Мелентьевой и Анны Лисицкой. Стихи. См. в книге Т. Гуттари «Моя страна», Сов. писатель, 1950, стр. 93—94. (Пер. А. Шпирта) или в кн. Т. Гуттари «Родина, тебя пою», Петрозаводск, 1950, стр. 20—21 (пер. В. Шефнера).

Девушки-воины. Очерки о девушках-героинях Отечественной войны. М., «Молодая гвардия», 1944, 128 стр. В книгу вошел очерк Г. Фиша «Карельские девушки».

Еремеев В. Девушки в серых шинелях. Газ. «Кр. Пряжа», 8 марта 1946, № 10(61).

Иванов А., Легенда о девушках-героинях. В кн. А. Иванова «Край мой родимый», Петрозаводск, 1949, стр. 21—24.

Капитонов И. Е. Марийка. Текст песни, исполняемой хором Пряжинского ДК. Газ. «Кр. Пряжа», 29 октября 1949 г., № 85(391).

Кликачев А. О тех, кто смертью своей утвердил жизнь. Газ. «Лен. знамя». 31 марта 1945 г., № 64. О героях боев за освобождение К-ФССР, в том числе и о Мелентьевой и Лисицкой.

Кондратьев Ф. Наша гордость и слава. «Лен. знамя», 22 февраля 1948 г., № 38.

Машезерский В. И. Карело-финские партизаны. «Блокнот агитатора», № 12, 1946, стр. 29—53. Итоговая статья о партизанском движении.

Мелентьев В. Письмо отца героини. Газ. «Лен. знамя», 1 января 1945 г.

Митусов И. Там, где училась Мария Мелентьева. Газ. «Лен. знамя», 22 мая 1948 г., № 101.

Мокин Георгий. Песня о героинях. Газ. «В бой за Родину», 6 октября 1943 г., № 242. См. «Фольклор советской Карелии» 1947 г. стр. 92—93.

Наши земляки на фронте. Госиздат К-ФССР, 1945, 112 стр.; в статье Ф. Трофимова «Земляки», стр. 5.

Отостим! Газ. «Лен. знамя», 1 октября 1943 г., № 201. О письме П. Саватьевой Ане Власовой. Коллективный ответ бойцов.

Письмо лейтенанта Г. Арбузова. Газ. «Лен. знамя», 1 октября 1943 г., № 201. О Мелентьевой и Лисицкой.

Слово друзей, Лен. знамя, 1943, 1 октября, № 201 (6820), стр. 2.

Трофимов Ф. Герои нашего народа. Газ. «Лен. знамя», 23 июля 1948 г., № 145, раздел «Отважные девушки».

Указ Президиума Верховного Совета СССР. О присвоении звания Героя Советского Союза сержанту Варламову Н. Г., Лисицкой А. М. и Мелентьевой М. В. Газ. «Лен. знамя», 28 сентября 1943 г.

Фиш Г. Они ковали победу. Газ. «Лен. знамя», 13 октября 1944 г., № 208.

Фиш Г. Бессмертие. Газ. «Лен. знамя», 1 октября 1943 г., № 201.

Фиш Г. Бессмертие (очерк). Газ. «Лен. знамя», 17 сентября 1943 г., № 192 (6811). Продолжение в №№ 194, 195, 196.

Фиш Г. Герои Советского Союза Анна Лисицына и Мария Мелентьева. «Комсомольская правда», 29 сентября 1943 г.

Фиш Г. Герои Советского Союза Анна Лисицына и Мария Мелентьева. Молотов, 1943, 16 стр.

Фиш Г. Анна Лисицына и Мария Мелентьева. Газ. «В бой за Родину», 2 октября 1943 г., № 239. Сокращ. вариант очерка «Бессмертие».

Фиш Г. Карельские девушки. «Молодая гвардия», М., 1943, 40 стр.

Фиш Г. Карельские девушки. В кн.: «Рассказы о героях», Петрозаводск, 1948.

Фиш Г. Подруги. Беломорск, Госиздат К-ФССР, 1944, 51 стр. с портр. Вариант очерка «Карельские девушки» с пред. Ю. Андропова «Они — наша гордость».

Фиш Г. Рассказы о героях. Воениздат МВС СССР, М., 1950. См. рассказ «Карельские девушки».

Шмидт Б. Боевые подруги. Памяти героинь карельского народа А. Лисицкой и М. Мелентьевой. Газ. «Мол. большевик», 27 марта 1947 г.